

Свои воспоминания я начинаю с 1880 года и даже точно определяю день — 6 июня. В этом году я держал выпускные экзамены в 1 Московском городском училище, помещавшемся тогда в старом казенном здании между Ильинкой и Варваркой в Ипатьевском переулке.

Как ни был я занят экзаменами, все же меня интересовало и иное: я ждал открытия памятника Пушкину. Я уже ранее видел, проходя по Тверскому бульвару, его фигуру, закутанную в полотно.

Открытие памятника было назначено на 6 июня. Вот уже прошло 47 лет с тех пор, а я как сейчас помню этот день.

Я ушел из дома с утра, сказавши, что иду в училище, а на самом деле я направился к Тверскому бульвару.

Средина площади, прилегающая к памятнику, была окружена полицией, и пропускали туда, кажется, только по билетам. Огромная толпа заняла окраины площади.

Я пристроился на ступеньках входа в какой-то магазин, и мне было видно, что делается у самого памятника.

Я не слышал речей, но издали ясно видел фигуры—уже знакомые мне, 16-летнему мальчику—писателей, портреты которых висели на стенах моей комнаты.

Вот высокая, с седой головой фигура Ивана Сергеевича Тургенева, а вот проходит среднего роста, немного сутуловатый Федор Михайлович Достоевский...—больше я никого не знал.

Я видел, как спадала пелена с памятника и как величественная фигура поэта вырисовалась на фоне неба.

Я помню продолжительный гул толпы в этот момент.

Экзамены я сдал благополучно, получил аттестат и какую-то книгу в награду. Надо было начинать что-то новое.

Инспектор училища советовал моему отцу продолжать мое образование и предлагал подать прошение о поступлении в учительский институт, но отец не согласился, и я сделался помощником в его портновском деле.

Однако любовь к литературе, заложенная в меня в училище, не только не ослабела, но все более и более развивалась: я запоем читал книги, которые брал из библиотеки братьев Улитных.

Я любил ходить «под ворота» на Никольской улице и на Малой Лубянке, где продавались старые книги, и редко возвращался оттуда без покупки, а покупал я большею частью стихи. У меня уже образовалась своя библиотечная полочка, на которой стояли томики Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Никитина, Фета, Майкова, Полонского, Сурикова. Я их каждый день держал в руках,—читал и перечитывал. Не говоря о Пушкине, Лермонтове и Кольцове, сильное впечатление производил на меня Суриков своими простыми, бесхитростными, задушевными стихами-песнями. Покупал я и сборники стихов никому ни тогда ни теперь неведомых авторов, и сам я начинал пробовать писать стихи.

Эта способность открылась у меня еще в городском училище, и вот как это произошло: в предпоследний год моего пребывания в училище мне пришлось написать, вернее—перевести одно стихотворение-песенку. Случилось это так: инспектор училища Иван Федорович Светиков, о котором я уже упоминал в I части моих воспоминаний, был большой любитель пения и даже ввел этот предмет в число классных занятий. Он составил из учеников хор, который по большим праздникам пел в церкви Грузинской божией матери, находящейся недалеко от училища.

В классе мы разучивали разные песенки. Однажды Светиков стал разучивать с нами какую-то

малороссийскую песенку; слова этой песни многим были непонятны, и учитель предложил эту песенку перевести на русский язык. Я взялся за это дело и при помощи учителя перевел стихами песенку; она стала распеваться нашим хором.

Это было мое первое литературное произведение, получившее некоторую общественность.

В то время, когда я сдавал экзамены, к нам из Киева приехала в гости наша родственница—тетка моей мачехи. Она очень полюбила меня, и по окончании экзаменов выпросила у моего отца позволение взять меня с собой погостить в Киеве.

Новые люди, южная природа с мягким климатом очаровали меня. А любовь к природе во мне проснулась рано: еще совсем маленьким мальчиком я любил бегать в кремлевский сад, и как я радовался желтым одуванчикам, рассеянными в зеленой траве, покрывавшей скаты кремлевского холма. Я родился и рос в грязном, пыльном и душном Зарядье, переполненном мастеровым людом, там ни травки, ни деревца не было,—и вот, я помню, как лет семи я в первый раз попал в деревню к родственникам отца, недалеко от Москвы. Мы шли от станции по проселочной дороге, и когда я увидал впервые поле с цветущей и волнующейся рожью,—я заплакал...

Два месяца, проведенные в Киеве, оставили неизгладимое впечатление на всю жизнь.

Я бродил по окрестностям Киева,—по ярмаркам, базарам, заслушивался слепцов-лирников, сидящих со своими поводырями-мальчиками у пыльных дорог; подолгу засиживался на берегу Днестра, любясь синими степными далями за Днестром. Часами простаивал у витрин книжных магазинов на Крещатике, покупал книги на украинском языке, и в первую очередь купил «Кобзаря» Шевченка в издании Иогансона за 35 копеек. Прислушиваясь к украинской речи, я начинал понимать прочитанное по-украински. И с каждым разом, когда я принимался за чтение «Кобзаря», песни и думы гениального поэта все больше и больше поражали и очаровывали меня своей красотой.

В Киеве произошел один случай, и когда я вспоминаю о нем, то невольно провожу аналогию с тем, что случилось очень недавно: киевские родственники мои задумали поставить памятник на могиле своего умершего сына и попросили меня написать для памятника стихи. Я это сделал—стихи написал, и они были вычеканены на памятнике, но стихов этих я теперь не помню. И вот с тех пор прошло много времени—это было еще до начала моей литературной жизни, а теперь—под конец ее—я получил точно такое же предложение, как от киевских родственников: встречаю на улице знакомого сторожа с Семеновского кладбища,—я живу около этого кладбища,—он и говорит мне:

— Знаете что? Написали бы вы мне несколько стишков на могильные памятники, их у нас многие спрашивают.

Сторож вынул из кармана записную книжку и показал на пустые страницы.

— Вот тут и напишите стишки и номера поставьте: 1, 2, 3, 4, 5.

— Что же эти номера должны означать?—спросил я.

— А это цена: рубль, два, три... С кого сколько взять—мы это знаем... Можете наверняка зарабатывать хорошие деньги,—их у нас очень спрашивают.. А потом мы с вами сочтемся...—обнадежил меня сторож.

Это предложение сначала показалось мне странным, но потом я рассудил,—ничего тут странного не было. И хотя предложение сторожа я оставил без последствий, но, вспомнив про такой же случай в Киеве, подумал: «Ничто не ново под луной»,—ведь писал же я стихи на могильный памятник слишком 45 лет тому назад,—ютчего бы мне и теперь не писать? Тем более я на это имею законное право, так как в кармане у меня лежит «патент на право производства литературы». Это факт очень курьезный, и об этом курьезе следует рассказать особливово, хотя, рассказывая, я несколько отклонюсь от хода моих воспоминаний.

Это случилось в 1923 году. Явился ко мне агент местного финотдела и заявил, что я, как лицо, занимающееся свободной профессией, обязан взять патент.

Я удивился и спросил агента, на какое же производство я должен взять патент, если я занимаюсь только литературой?

Агент стал доказывать мне, что и литераторы обязаны брать патенты, и показал мне список лиц тех категорий, которые должны на свои промыслы брать патенты. В списке значились прачки, белошвейки, зубные врачи, литераторы и др.

Уходя, агент пригрозил, что если я не исполню его требование, то он приступит к описи моего имущества, и назначил крайний срок явки в финотдел.

Делать было нечего,—я явился в финотдел, заполнил какую-то анкету, заплатил деньги и получил квитанцию на право получения патента.

На другой день отправился за самым патентом и получил «патент третьего разряда на личное промысловое занятие» на 6 месяцев с 1 июля по 1 октября 1923 года.

В графе—«наименование промысла»—значилось: «литератор».

Взяли с меня за это удовольствие 424 советских рубля.

Получив патент, я должен был зарегистрировать его в местном отделении милиции в трехдневный срок, чтобы милиция знала, какой промышленник живет в ее участке.

Являюсь к начальнику милиции; происходит регистрация патента,—на него наклеивают 6 марок по 5 рублей в пользу инвалидов и взимают еще 5 рублей на канцелярские расходы...

Когда я эту процедуру проделал, мне стало легко и весело.

Получив от начальника милиции готовый патент, я сказал ему:

— Ну, вот теперь я могу писать свободно, где угодно, даже на заборах могу писать!..

— Нет, этого нельзя делать,—заметил начальник.

— Почему?—удивился я.—У меня же есть патент?

— Ну, как вы не понимаете? Это же, ведь, неудобно...

Начальник, видимо, представлял «заборную» литературу в полном ее смысле, но я понял по-другому и ответил:

— Да, это верно—писать на заборах неудобно, потому что, если я напишу на заборе, то надо или цензора к забору приводить, или забор в цензуру вести...

Распрощался с начальником милиции, положил в карман патент и ушел. Как-будто этим дело и закончилось, но не совсем.

Сделавшись «промышленником», хотя я на своем «промысле» и ничего не заработал, однако, в свое время, из финансового отдела получил извещение о причитающемся с меня подоходно-имущественном налоге и в довольно крупной для меня сумме...

Тут уж мне стало не весело!

Платить было нечем, да и не за что...

Тогда я, на правах «промышленника-писателя», засел за письменный стол и написал фининспектору заявление о том, что я, проработавши в русской литературе слишком 40 лет, теперь не в состоянии носить звания русского писателя и слагаю с себя это звание с обязательством никогда ничего не писать.

Понес заявление в финотдел.

Главного фининспектора не было, он был в отпуску; его заменял какой-то добродушный па вид старичок.

Подаю ему заявление; берет, читает и спрашивает:

— Так вы, значит, отказываетесь от звания писателя совсем?

— Да, отказываюсь. Что же делать—я не в состоянии платить налоги,—говорю я.

— Так, так!.. Ну, а скажите,—бумагу, перья, чернила будут вам продавать в магазинах?—после некоторого раздумья спросил меня старичок.

Я не ожидал такого вопроса, но ответил:

— Если с вашей стороны не будет никакого запрещения, то продавать мне будут. Да я и не знаю, как можно запретить?—добавил я.

— Конечно, запретить нельзя, и вы бумагу, перья, чернила покупать будете и, конечно, будете писать у себя дома. Вот и опишите всю эту историю,—посоветовал мне старичок и положил мое заявление на стол.—Когда надо, вас известят о результатах,—сказал он на прощанье.

Через некоторое время я действительно получил через милицию извещение о том, что налог с меня сложен...

Впоследствии о своем патенте я имел разговор с фининспектором. Когда я ему сказал о патенте, он удивился.

— Кто же вас обязал взять патент? Вам никакого патента брать не полагается. Это сделал какой-нибудь неопытный агент.

Мне опять стало весело, и я спросил:

— А каким образом мы, обыватели, должны отличать опытных инспекторов от неопытных? Вы бы им особую форму придумали для отличия,—посоветовал я.

С тех пор я не выправлял патента...